Мы цедим кофе и часы
И запах белых астр увядший
И ждем, что счастья полосы
Осталось два шага — не дальше.

Я люблю одиночество и георгины,
Позолоту сезона рассеянных улиц,
Когда время и ветер, долги и едины,
В колесе обозрения крепко сомкнулись.
Дети ручки грызут. Пусты аттракционы.
Только круглый октябрь катается в блюдце
Слюдяного залива. Да ищет влюбленных
В переулках разлука. Следы остаются:
Да огарки каштанов, то окрики чаек,
То отзывчивость окон, то бабочек лепет
Выдают ей обрывки свиданий случайных,
Но спускается ночь. И глаза ее слепы.

ЭЛЕГИЯ

Прокричала тревожно чайка
И в тумане исчезли крылья…
Голубые пути к причалам
Корабли вдалеке чертили.
Три скалы — три монаха черных
Над заливом стоят печальны,
И взирают на братьев горных
Двойники из воды зеркальной.
Облака золотою цепью
Потянулись в поток заката.
Ветер трогает сосен ветви
И закатную пьет сонату.
Проступили лиловые тени,
Загорелся маяк за мысом,
И на каменные ступени
Осень бросила взгляд капризный.

МОЛИТВА

Я разучусь летать, когда,
Остановлюсь на полуслове,
Повисну в длинных проводах
Лжи, облипающей до крови.
Преодолеть ее бессильна,
Устанув, бедная душа
Свои изломанные крылья
Оставит, слабостью греша.
И, приняв отреченья схиму,
Я за собой закрою дверь,
Суетное навек отрину,
Забуду голоса потерь.
Богам молиться не устану
До истеченья скорбных дней
За всех окрыленных людей
Незримым стану талисманом.
И ныне, присно и вовеки
Души, блуждающей в горах,
Неопалимой лунным светом,
Земной да не коснется прах.

Пусть звездный час тем дольше длится,
Чем выше гибельный полет
Горящей человеко – птицы
Пронизывает небосвод.
И пусть дождем метеоритным
К земле идет священный свет».
За вас творю свою молитву:
Художник, Мастер и Поэт.

СКВОЗНОЙ ГРОТ

Вновь тишины исполнен берег,
Вода стеклянная светла,
Врисован в небо можжевельник
С окаменевшего крыла.
Полуразрушены ступени,
Зияет мраком гулкий грот,
Дрожат расплывчатые тени.
Готический подобен свод
Дворцу в глухом подземном царстве,
Куда тоскующий Орфей
Пришёл дорогой скорбных странствий
За Эвридикою своей.
И где навеки с ней расстался,
Обманут шёпотом теней.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

Памяти О. Мальденштама

Разломан стал мир на причины.
Доносчик измучился ждать —
В потертом пальтишке мужчина
Решил на канате сплясать:
Дрожали смычки музыкантов,
Еврей исполнял антраша,
Кружили мундиры анданте,
И плакала чья – то душа,
Топтались цепочкою звуки,
И голод зиял за углом,
И астма держала под руки,
И смерть караулила дом.
А он все свистал щегловато,
И кожу поглаживал страх...
Мы все уже жили когда – то,
Стихи хороня на губах.
Но код соловьиный утрачен.
Цитатой железных речей
Стал в проволоку переиначен
Стальной уссурийский ручей.

Возьмите золы на прощанье,
Скажите последнее: «Что ж...»
Пусть снова припев Вас обманет,
На правду до смерти похож.

ПОЭТ

В. Высоцкому

В отечестве пророка нет,
И нет юродивому веры,
И никогда тебе, Поэт,
Не одолеть толпы химеру.
Пусть в кровь разодраны уста
И сердце лопается в крике —
Твоя святая нагота —
Мишень для комьев грязи липких.
Нет обреченней никого,
И нет тебе прощенья в мире
За это кровное родство
С *его* «душой в заветной лире…»

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

ИГОРЮ ТАЛЬКОВУ

Так долго не было дождя,
Что все поверили в разлуку.
Но чей – то крик поранил скуку.
О Мама! Как себя мне жаль!
Так долго не было дождя
Что ничего не остается
Как растревожить это солнце
О Боже! Как певца мне жаль!
Так долго не было дождя
Что на стекле слеза сгорела
И ветер плакал неумело
О Небо! Как мне птицу жаль!

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

И. ТАЛЬКОВУ

На земле так мало места поэтам и птицам
Все птицы умирают на Земле
Где лобовые стекла ловят метры
И рыжие цветы растут на клумбах
И желтые в кондитерских желе
И тополя размазывают ветры
И девочки раскрашивают губы

Когда я вижу мертвых птиц
Любви асфальта возвращенных
И много ног идущих мимо
И Солнце скошенное ниц
(Как веки женщин непрощенных)
Я вновь не в силах вспомнить имя

Которое я знала (может быть)
Которым я звала кого-то долго
Того кто потерял меня давно
Настолько что успела позабыть
Все в этой жизни без конца и толку
Все в памяти моей темно…

Все птицы воскресают на Земле
Их крылья перевиты алой лентой
Когда они идут спиной к закату
И город позади в добре и зле
Останется забытою приметой
Где плачет Ворон потерявший брата

АХМАТОВА

Подобна звучанью органа
Мелодия песен ее,
А долгое имя — Анна —
Гудит колокольным литьем,
И с сотен ее портретов
Столетье глядят глаза,
Но только души Поэта
На них угадать нельзя,
Которая вызывала
Отчаянье и восторг,
Которой недоставало
Вселенной для горьких строк,
Чьи надменные губы
Испили печаль сполна.
Смолкали медные трубы,
Склонялась низко луна.
И лишь царскосельские липы
Плели свой истовый бред.
Свеча догорала, всхлипнув,
И дождь диктовал сонет.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

ЗВЁЗДНОМУ СТРАННИКУ
(Белову Юрию)

Кто навсегда затосковал
Об Атлантиде,
И рисовал серьги овал,
Лица не видя,
Сквозь петербургскую метель
И солнце Нила
На полустёршейся плите
Читавший — «было»,
Кто мягким зеркалом фольги
Луну окутал
И колокольные круги
Отлил в минуты,
Тот всё оставил на Земле
С печальным смехом,
Купил шагреневый билет
И вспять уехал…

СИНЯЯ ПТИЦА

Качается жёлтая ветка
Сентябрь заливает окно
И капелька льда незаметно
Студит дождевое вино
И пусть ничего не случится
Холодным останется дом
И синей останется Птица
Под солнцем в коктейле с дождём…

КАССАНДРА

Голубая луна над горами,
На земле белый пепельный свет…
Смуглоликая дочерь Приама –
Я тебе посвящаю сонет.

В чёрном зареве красные стены,
(или не было ничего?)
Смертный ужас в глазах Поликсены,
И пророчества торжество.

И, провидевшая погибель,
Проклинаемая толпой,
Как бесчувственный каменный идол,
Смотрит жрица перед собой.
Геллеспонт сквозь руины виден.
Ослепительно голубой…

ИЗО ЛЬДА ТВОЁ ИМЯ, ИЗОЛЬДА

Изо льда твоё имя, Изольда,
И постель твоя изо льда,
И в глазах цвета жжёного золота —
Замороженная вода.

А в дому твоём холод бездетный,
И бескровные губы твои
Шепчут тексты во имя обедни,
А душа — края полыньи.

И походка усталого мужа
За твоей тяжелеет спиной,
За твоей непробудною стужей,
За твоей неприступной виной.

И зима твоих век нерастаянна —
Вечность выкрала горизонт.
Если выпита чаша с Тристаном,
Только смерть отогреет рот.

СОНЕТ О КОКТЕБЕЛЕ

В краю Волошина безоблачном
Шуршат песчаные закаты
И сердолики тают, дымчаты,
Луной обронены когда – то.
Там Киммерией несказанною
Душа исполнена Поэта,
Звездой – Полынью осиянная,
Мерцает в мареве рассвета.
Какая терпкая печаль,
Какая горькая истома,
Какая светлая тоска
Его уводит к окоёму
Рождённый Крымом
здесь останется,
Навек сказаньем очарован.

***

Пуста вечерняя дорога.
Перетекая в день вчерашний,
Струится лето понемногу.
Так тихо в бухте Черепашьей,
Как будто канули тревоги
На дно её овальной чаши.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Летела белая стрела
А может — чайка,
И тетива ее звала,
А может, галька.
Носились стаи у воды,
Теряя крики.
Импровизацией беды
Цвели гвоздики.
Дышало море, как осетр,
Сквозь жабры мысов.
И уходил апостол Петр
За туч кулисы.
Летела белая стрела
С Пастушьей Башни
И в клюве бережно несла
Огонь вчерашний.

***

Это все — НИКОГДА
Мой везучий соперник.
Он разрыв в проводах,
Он проросший бессмертник.
Он стена и азарт
Он бетон и бумага
Изолгавшихся карт.
Он горячая влага
На краю полыньи
Губ, что с привкусом соли,
Как улитка ленив,
И как муха назойлив.
Он слепая мишень.
Нет — он линия круга
За которой уже
Нет ни шага, ни звука.
Он погасший маяк
Он умчавшийся поезд.
Взгляд бездомных собак
И любви моей повесть.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Скажите ей, полузамерзшей птице,
С меридиана улицы упавшей,
О мыльном шаре на стеклянной спице,
О жизни эха в теле бывшей башни,
О саженца смородиновом плаче,
Еще не отданном глухонемой земле,
О шуме гальки, зыбнущей иначе,
Чем палевые жилки ковылей,
И о приюте беглого дельфина
В ночлежке из застиранных сетей,
И о луны обратной половине,
Где все засыпал снег…
Скажите ей…

* * *

В субтропиках кончается сезон
Среди закатов зреют обезьяны
Фотограф закрывает черный зонт
Ночного неба и грозит — нельзя нам
Уйти из дома под названьем мир
Цветные отраженья не оставив
Стирает детские прививки мойдодыр
И тушит лихорадку на устах их —
Облезлых взрослых и стоглазых чад
Сторуких пожирателей озона
Чьи тени так вдоль воздуха кричат
Что трескается небо горизонтом.

* * *

Падал покинутый ангел,
Пьяный играл музыкант,
Города брошенный факел
Тлел, поджигая закат,
Не умирай, Паганини,
Мы не умеем не лгать,
Не называй моё имя,
Глядя прощанию вспять,
Водным растением плачет
Твой приручённый смычок,
И не могло быть иначе,
Не говори ни о чем.

* * *

Как измождённая пустыня
Благословения дождём
Как оправданья Магдалина,
Мы совпадений кратких ждём.
Бессмертник мертв, негрешен камень,
В неотвратимости костра
ночь обожжёнными руками
За горизонтом держит Ра.
Рано

* * *

Так ангелы ходят, бездумны и наги,
Так свет проступает на фотобумаге,
Так тают трюфели, так фантики дышат,
Так белая ночь засыпает на крышах,
Так больше не помнят
ушедших недавно,
Так под ногами сжимаются камни,
Так я остаюсь у окна,
за которым
Носится шарф твой,
и кружится ворон —
Белый Ноябрь,
и смотрит вдогонку
Дымной Норвегии
остров мой
ломкий.

* * *

Ничем бессмертники не пахнут
И ни о чем цикады врут
Июль в оранжевой рубахе
Свалился в травы поутру
Из чашки каперса черпнешь
Глоток иллюзии прохлады
Ее изысканную ложь
Прими, как лучшую награду
И пить лавандовую сушь
Останется досыта солнце
Сквозь зелень можжевельных луж
У стрекозиного колодца…

* * *

ЭТЮД

Мир, созданный из камня и воды,
Вечнозеленых крон и криков чаек,
Сиреневых туманов дым
Печаль и тайну источает.
Гармония лиловых гор
И вод молочных перламутра...
Но тихо дремлющий простор
Предвосхищает хаос утра.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Гора Орёл

Излом крыла очерчен строго,
И профиль птицы, горд и смел,
Как воплощённая тревога,
Над бухтою окаменел.
В праобразе гигантской птицы
Затаена Икара страсть —
В полете к солнцу раствориться
Иль тяжким камнем в море пасть

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Все происходит потом и не с нами
Я замечаю — мы автопортреты
Радиоволны молчат голосами
Мокрых дельфинов магнитное «Где ты»
Я умерла в девятнадцатом веке
Ты не родился — разлились чернила
У летописца Мельхиседека
В год окончания засухи Нила.

* * *

Пока тебе открыт кредит зимы,
Ты можешь тратить снежные купюры
На города внезапную гравюру
И розы у сугробов брать взаймы,
И очищать от солнца мандарины,
И в проводах искать остатки неба,
И возле булочных дышать холодным хлебом,
Печеным из луны и глины.

Дождь пахнет гуашевой краской —
Лиловой и голубой,
Дождь пахнет сентябрьской астрой,
А может — морскою водой.
И мы, ему вовсе чужие,
Зачем – то рисуем в окне
Его перебежки босые
И греем вино на огне.

О, ГОСПОДИ, КАК ДОЛГО ДОЖДЬ ИДЁТ...

О, Господи, как долго дождь идёт!
Каким поэтом сочинён Антарес
В сетчатке скорпионовых высот,
Что на антеннах утренних сломались?
О, Господи, как ангел одинок,
Что в сердце бабочки не пожелал проснуться!
Она с утра проснулась в тонком блюдце
И пах наркозом виноградный сок.
Как хрупок мир, танцующий на льду
Глазных хрусталиков, — простите их мигание;
Как резок крик цветастых какаду,
Болтающих о важном и случайном;
Как тяжек дождь заносчивым ветрам,
Как сир Ноябрь, — бесцеремонен...
Как больно держит яблоко в ладони
И как весом молчанья миллиграмм.

СУДЬБА

Скрестились четверо дорог
У храма на консолях.
Был город нем, у самых ног,
И брошенностью болен.
Сугдея — парус твой тугой
Уплыл к Кассиопее,
А голос – эхо над Землёй
Запел о «Звёздной Фее».
И Осень рыжею лисой
Петляла среди всхолмий.
Сугдея, парус твой косой
Уплыл в средневековье.
И скрадывала темнота
Гудящие ступени,
И камертоном провода
Отозвались моленью.
И крепость приняла тепло
Из четырёх сердец,
И много дней с тех пор прошло —
На небе встал Стрелец, —
Кентавр бесстрашный,
и под ним,
Смутна и холодна,
Всё куталась в бесцветный дым
У Храма тишина.

КАРМЕН

Мне больно. Перестань, Цыган,
Играть пронзительно и яро.
Отпей вина, забудь обман,
Уйми сдуревшую гитару.
Я целовала и лгала
Кому – то, не тебе, возможно.
Я эту музыку нашла
И завела неосторожно.
Импровизация тоски
По переулкам заплясала —
Их окон черные куски
Грозят нам смертью и подвалом.
Уйди, Цыган, я не могу
Смотреть так долго в око бездны
Я только раз еще солгу,
Раз поцелую и исчезну.
Пусти, Цыган, я не люблю
Рыдать, когда играют скрипки,
И я другому королю
Пойду дарить свою улыбку.
Прощай, Цыган, в смертельном вихре
Ты заиграл меня. Я знала —
Как только музыка утихнет.
Я изменю тебе с Кинжалом.

ДОМ КНЯЗЯ, СОЧИНИВШЕГО ВИНО...

...останутся: кипящая сирень,
Лиловой пеной с лестницы срываясь,
В резном проёме Меганома лень
И память, распечатанная с краю.
Он неуклюж, беспомощный рояль,
А в зеркало, забывшее княгиню,
Болезненно закутанную в шаль,
Глядят портреты...
Купол опрокинут
Часов песочных, сеющих шаги, —
Аккорды по трескучему паркету, —
И солнца уходящие круги,
И винных лоз витые силуэты.
Зачем близка прошедшая печаль?
И запах вин исполнен ностальгии?
И всё звенит разбившийся хрусталь,
Произнося голицинское имя...

ГРЁЗЫ…

В халцедоновой оправе
Дремлют сказки и легенды,
И роняет слёзы ветер.
Потерявший гром свой медный.
Миновал «Арго» ворота
Золотые и растаял
Там, в опаловом тумане
Неизведанных скитаний.
И в мечтательном покое
Тень колышется русалки…
Серебрится дно морское,
Тусклым отблеском монетным,
И роняет слёзы ветер,
Потерявший грош свой медный.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Ломается ось без причины
В пещеры не падает снег,
И трогает щеку морщина,
Когда появляется смех,
И пульс пред виной беззащитен,
Для скрытости есть псевдоним...
Вы смысла в мазках не ищите —
Все это импрессии грим.

* * *

Как будто лопнула струна,
Последняя, на чёрном грифе,
Как будто в дребезги волна
Разбилась на бетонном рифе.
И только чаек голоса
Кричат с отчаянием в горле,
И сожжены все адреса,
И ветер воет беспризорный.
А сфинкс семь тысяч лет молчит
И безнадежно ждать ответа...
Какие могут быть ключи
К загадке русского поэта?

Ирис

Дикий ирис цветёт на горах
В голубых затуманенных травах,
В удлинённых его лепестках,
Лирой выгнутых, тонких и пряных,
Всех поэтов застыла печаль,
Недоступное царство, нирвана…
Синий ирис на хрупких плечах
Держит неба хрустальные грани.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

ПРОЩАНИЕ

Сгущаются к вечеру краски,
Отчётливы контуры гор,
По берегу стелется вязкий,
Холодный осенний костёр,
Как будто сгоревшее лето
С отчаяньем чёрным дымит,
Как будто в Атлантике где – то
Бросается на небо кит.
Как будто бы плачет ребёнок,
Один в коридорах пустых,
Как будто, губительно – громок,
Звучит ненаписанный стих.
Как будто к погибшему порту
Причалить идут корабли,
И плотные стенки аорты
Не слышат молчанье Земли.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Кажется, шёл дождь.
Кто – то в углу спал.
Кто – то зубрил ложь.
Кто – то вчера ждал.
И приходил День,
И прогонял моль,
Но было дышать лень,
И в кране реки — ноль.
И что – то сквозняк знал
Про голубой дым,
Про золотой вокзал,
Про то, что есть мир — Крым.
И все хотели туда,
Где дует ночной бриз,
Где светит одна звезда,
А имя её — Жизнь.
Никто не хотел туда,
Где можно всегда петь,
Где светит другая звезда,
А имя её — Смерть.

* * *

И также все равно
И также плачет ребенок чей-то за чужим окном
И также душен август, не иначе
И также равнодушен Меганом…

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ СНЕГ

Этот снег — обретенное детство,
Редкий Крыма бесхитростный дар.
Он — мое невозможное бегство
В город, где мой отец не был стар,
Где сугробы растут на заборах,
Где закат пионерен и ал,
Где остался тот мальчик, который
Свою дочку Татьяной назвал.

* * *

Качается желтая ветка,
Сентябрь заливает окно,
И капелька льда незаметно
Студит дождевое вино.
И пусть ничего не случится,
Холодным останется дом,
И Синей останется Птица
Под солнцем в коктейле с дождем.

Я листьев горелый запах
Душный и сладкий дым
В прямоугольных лапах
Площади мира Крым
Мне холодно без названий
Мелькающих спин и дат
Кто из людей гуманней
Мой выдыхает взгляд
Пластмассовую снежинку
Бросит в золу чужак
В правом углу картинки
Санскритский вычертит знак
И слезой стеарина
Оборвется ноктюрн
Я только обрывок дыма
Среди заплеванных урн
Я только копченый воздух
Бездомных рассветов муть
Встающих тоскливо – поздно
Их, к счастью, нельзя вернуть.

* * *

NEMO

Мой голос — выпитый сосуд,
Смотри — и не увидишь пятен
Цветных, разбрызганных секунд
В прогибах тусклых медных вмятин.
Я Nemo — вопиющий глас
Моих пространств не потрясает,
Я, может быть, на дне сейчас
Древнеегипетских мозаик.
Я умерщвленный скарабей,
Забытый на алтарном камне.
Безликий горький суховей
Меня касается руками.
Так далеко от губ моих
Лежит созвучье Херсонеса…
Желанный шорох звезд морских
Воспринимаю я как мессу.
Но где скитается, скажи,
Мое земное alter ego?
Зачем сквозь дым и витражи
Так назидательна Омега?
Я одиночество в пустыне.
Я разрушающийся храм,
Нарцисс над зеркалом витрины,
Рта затянувшегося шрам.
Я вечность майи, гипс иллюзий,
Разомкнутая горизонталь,
Я жадные предсердий шлюзы,
Пещер обрушенных гортань…
Никем в безмолвии не встречен,
Мой голос — выпитый сосуд,
Который египтянки плечи
К бассейну чувственно несут.

СОЛО ДЛЯ СЕРДЦА

Оставьте меня на ветру —
Я знаю, что выдуман Бог.
Я знаю, что я не умру,
Как ни был бы час этот плох.
Я знаю, что жажда пройдет,
Когда вместо горной воды
Набьется в обветренный рот
Комком остывающий дым.
Оставьте мне этот рассвет
И черный, потухший вулкан.
Я знаю, что горечи нет,
А лоцман был капельку пьян.
Останемся здесь, на мели,
За твердым, надежным бортом,
Когда все дельфины ушли
Искать свой придуманный дом.
Мы будем сидеть и смотреть, —
Как скучны чужие края;
И кто – то завяжется петь —
И это опять буду я.

Разбилась чернильница ночи,
Прошел за окном птицепад.
И времени жуткий кусочек
Лениво жует циферблат.
И Солнце болит под лопаткой,
Погасла в глазнице свеча...
Останься помаркой тетрадной
За темной стеною плеча.

* * *

Жить на дне твоих глаз,
О себе узнавать,
Что чужая всему –
Возвращеньям и дому,
Кипарисовой статуей
В небе молчать,
Черной рыбой тонуть
В поцелуе другому,
И смеяться сейчас,
Когда ноет июнь,
Жженным сахаром горкнет
Под левой лопаткой...
Не смотри на меня —
Ослепительный лунь,
Огорченный моей
Карамелью несладкой.

НЕНАЗВАННЫЕ ИМЕНА...

Уж третий раз теряют листья
Деревья этого двора
И осень снова моет кисти
В ведре с дождём из серебра:
Полузабытая картина
В проёме дальнего окна.
Звучат пронзительным мотивом
Неназванные имена.

И никуда от них не деться,
Невыносимых, как ожог.
Походит мой уход на бегство,
На затянувшийся прыжок...
Пыль дождевая скроет серый,
Едва заметный силуэт,
Почти приснившиеся двери
И день, куда возврата нет.

ПАСТЕЛЬ

Осень — сестра закатов —
Смотрит во все глаза,
Обруч в висках агатовый,
А на щеке — слеза.
Ветер целует руки,
Вьются шелка волос.
Эоловой арфы звуки
Несут рапсодию грёз.
Последнее время года
Тихой течет рекой.
Означен на небосводе
Белым крылом покой.
И Осень уже не плачет,
И не поёт листва,
Запястья худые прячет
В белые кружева.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

ОСЕННИЙ ВЕТЕР

Дул всю неделю южный ветер,
Метался гибкий кипарис,
Рябин беспомощные ветви
Вновь за листом теряли лист.
Штормило море у подножий
Поросших редким лесом скал,
И бабье лето осторожно
Ткало разреженную шаль.
Осенний день был на пределе…
В недостижимом далеке
Струился свет молочно-белый,
И волны плакали и пели
На остывающем песке.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

ВОСПОМИНАНИЕ...

Тень облаков на горы пала,
На фиолетовый залив,
И осень берега застала
Врасплох, деревья опалив.
Покрыла воды, осенив
Их полосой закатов алых.
А вечером, под лунным шаром,
Тугие ветры понеслись.
И в серых, рванных клочьях, высь
Дымилась холодом и паром,
Шумели кроны сосен старых
И осыпался тамариск.

Пели синие песни волны,
И сигналил маяк во тьме.
Потерялись наши ладони
В фиолетовой кутерьме...
Больше я ничего не помню.
Как не помнишь ты
обо мне.

***

Это все — НИКОГДА
Мой везучий соперник.
Он разрыв в проводах,
Он проросший бессмертник.
Он стена и азарт
Он бетон и бумага
Изолгавшихся карт.
Он горячая влага
На краю полыньи
Губ, что с привкусом соли,
Как улитка ленив,
И как муха назойлив.
Он слепая мишень.
Нет — он линия круга
За которой уже
Нет ни шага, ни звука.
Он погасший маяк
Он умчавшийся поезд.
Взгляд бездомных собак
И любви моей повесть.

Опубликовано в кн.: 50х50. Сборник стихов и прозы новочебоксарских авторов. — Чебоксары: «Новое Время», т2010. — 316 с.

* * *

Я больше не могу соединить
Оскому слова и отливы солнца;
Она порвется — ностальгии нить —
Мне облегченье остается.
И больше никому не надо лгать —
О чем молчат засохшие верлибры…
Мне потревожить эту благодать
Ни дождь, ни грош не помогли бы.
Пусть в коконе аскезы завита,
Она умрет, натурщица – причина.
Пусть сонная останется мечта
О дольке голубого апельсина.

* * *

Облуплен день, как рыжий мандарин —
За поворотом рвется невесомость,
В глазах прохожих — седина сезона,
По крышам бродит ангел – пилигрим.
Зачем тебе отброшенность окон,
В ключицах бухты — гривна пены белой,
И серьги слез, продетые умело
Сквозь тело беззащитных облаков,
И обреченность городских камней
На совпадения праздников нечастых,
Которые разбросаны на части
Ногами разбегающихся дней?

ЖИЗНЬ ВЫПИТА СТИХАМИ…

Как солнцу светло в небесах!
Как холодно птицам в ночи!
И поезд уходит, и страх
Найтись после смерти. Молчит
Потерянный в бездне перрон,
Отобранный в прошлое путь…
И время, как стаю ворон,
Пытается город вернуть.
И в парковых лужах лежит
Его параллельный двойник,
И голос рассудка кружит
И не переходит на крик.
Оторванность наших имён
В Отсутствии новых потерь.
Ты стал нелюбим и умён, —
Захлопнув из Прошлого дверь.

***

… жизнь выпита стихами.
Ты каменеешь, как оставленный в ночи
Безликий Сфинкс в безмолвии Сахары.
Тебе уже не больно. Ты молчишь.
Пророчества сбылись. Ковчег покинут.
Ты привыкаешь к каменным губам.
Всё сказано давно. Забыто имя.
И время брошено к ногам.

* * *

Мой легионер, проигравший войну,
Мой Император Погасшего Солнца —
Во сне ты увидишь стрелу и одну
Только Звезду, что давно не смеется.
Ты будешь стонать от каленой беды,
Которая мимо тебя пролетела.
Ты кровь не заметишь на теле Звезды —
Звезда не имеет ни крови, ни тела.
И ты не проснешься — ты будешь смотреть,
Как боги куриные правят и судят:
Отшельнику — лампу, Влюбленному — смерть,
Ангелам — небо, неверие людям.
Шуту — суету, мудрецу — немоту,
Свечу — мотыльку, мумиё — фараону,
Падение — башне, цепи — мосту…
Ты спишь император, проспавший корону.
И ты не узнаешь — чем кончится суд.
Тебе все едино: что капля, что — камень.
В зубы дракона сердце несут,
Что было твоим по утру еще! Амен!
Ты выпьешь до дна эту ночь и тебе
Останется малость, чтоб выйти из круга
Куриных богов: по заросшей тропе
Сползает к тебе Сколопендра – супруга,
Смотрит в лицо, а раздвоенный хвост
Целится в небо, пророча Затменье.
Тебе все равно. Но ты должен всерьез
Зверя убить.
Ты стреляешь.
Из вены
Теплой звезды утекает в песок
Белая кровь наступившего света…
Ты просыпаешься в заданный срок
Править Погибшей Империей Лета.

* * *

УРОК НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ

Если все листья санаторного парка,
Продрогшего от поцелуев,
И согретого редкими спичками,
Если все эти листья
Скупить на твои отпускные банкноты
И сложить их в ногах Зеленого Короля,
То может все-таки случиться, что он простит
Мне всю прошлую зиму без поцелуев и шоколада,
И в его виноградных глазах
Проступит месяц июнь,
А зеркала подвальных потолков
Будут отражать
Мое кофейное лицо и твою руку,
Отодвигающую лист
Ресторанного фикуса за моим плечом.
Я буду слушать каприз верхней губы
И думать, что тебе не идет твое имя,
И о том, что нельзя доверять друг другу
Молчание о Прошлом,
И еще
Я буду стараться не думать,
Что самая опасная вещь в моем доме —
Это настенные часы, выдающие
Присутствие этого Прошлого,
Такого же закономерного,
Как беременный силуэт твоей одноклассницы
За дальним столиком.

* * *

Не смотрите им вслед,
Не ищи их, трава, —
Что случилось во сне —
поутру потерялось.
Солнце бледное в тёплый
Закуталось плед,
И осталась лишь Осени
Самая малость.

Ноябрь 1991

* * *

Если русло асфальтовой этой реки
Тебя вынесет в Ночь Ожидания Снега,
Где врастают по грудь в холода старики
И скитается Солнце, в надежде ночлега,
И в сплетении солнечном врос виадук
Воспалённого, чёрной разлукою, взгляда:
Бытия твоего не проходит недуг
И с тобой остаётся Отверженность рядом.
Этой гордою роскошью боли владей —
Ты хранитель и царь непришедшего Завтра,
Тихо спящего, в душах людей,
И раскрыта тебе мироздания карта.

* * *

Темно и больно. Падает луна
В чужие окна, под ноги чужие.
Тепла не будет. Темнота больна.
У ночи острый приступ ностальгии.
Цикады плачут. Пахнет купина.
Мне холодно. Мрак опускает веки...
Написан реквием. Искуплена вина.
Бессмертник – сирота играет ветром.
Сон пьёт вино. Качаются мосты.
Земля жестка. Действительность жестока.
А милостыня жжёт. Глаза пусты.
И солнце поднимается с востока.
Темно и больно.

Я буду холодной чайкой…

Я буду холодной чайкой
Стынущей белой тенью
Я буду далёкой чайкой
В последнем своём рожденье

И станет поющий голос
Похожим на плач и хохот
Когда неподвижен космос
И сколами мир расколот

Я в ветре, озоном пьяном,
Что пахнет арбузной коркой,
Слушать начну органа
Несущиеся потоки

Трудные взмахи крылья
Сменят на сон паренья
Над солнцем огненно – мыльным
В пучине облачной пены.

И будет понятен ужас,
Растущий из сердца шаром,
Когда неподвижность крутит
Над бешенством и пожаром.

И увижу его границы
Как вы первый день творенья…
Я стану белою птицей
В последнем своём рожденье.

НА СТЕНЕ — ПОЛОСА ЗАКАТА...

На стене — полоса заката,
Эхо двери боль отражает,
На тебе — китайский халатик,
В вену капает кровь'чужая
Ватной куклой лежать в палате
День — Покров — девяносто восемь.
На тарелке — ядро граната
Эманация сердца осени.

14 октября 1998 (21 октября 1998 она ушла)